

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

DOI: 10.31857/S086919080023790-6

РЕКРУТИРОВАНИЕ ЭЛИТ В ПРАВИТЕЛЬСТВА ИРАНА
В 1979–1989 ГГ.: БИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

©2023

И.А. ВАСЬКИН ^а

^а – НИУ «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9019-6251; ivaskin@hse.ru, ilya.a.vaskin@gmail.com

Резюме: В статье освещаются основные закономерности рекрутирования министров в правительства Ирана 1979–1989 гг. В работе проанализированы биографии 183 министров первых 7 правительств Ирана в агрегированном виде на основе вторичных данных, опубликованных другими исследователями. Результаты работы показывают, что первые 3 года существования исполнительной власти были наиболее конфликтными: в течение этого периода в стране сменилось 5 правительств. С точки зрения специальности полученного образования 55–65% всех министров в 1979–1989 гг. в правительствах Ирана были выпускниками технических вузов. При этом доля членов правительств с гуманитарной специализацией уменьшалась, постепенно они замещались военными и врачами. По месту получения образования правительство Базаргана было единственным, где доли выпускников иранских и западных университетов были примерно равны, далее доля министров с иранским образованием увеличивалась, а с западным – уменьшалась. Профессионально сбалансированными были правительства Базаргана и Совета Исламской революции, где относительно равномерно были представлены: 1) бюрократы, 2) учёные и 3) профессионалы (врачи, юристы, инженеры). Далее основной профессией министров становится бюрократическая. Также в этот период начинают входить в правительства новые элитные группы: шиитское духовенство и ветераны Корпуса стражей Исламской революции (КСИР). Доля духовенства с момента их появления в правительстве остаётся стабильной и колеблется в диапазоне 9–14%. При этом доля ветеранов КСИР увеличивается с каждым новым правительством, достигая 21% во втором правительстве Мусави. 60–70% всех министров были выходцами из региональных столиц, а ключевыми провинциями рекрутирования были Тегеран и Исфахан.

Ключевые слова: административная элита, правительство, Иран, рекрутирование элит, бюрократия, биографический анализ.

Для цитирования: Васькин И.А. Рекрутирование элит в правительства Ирана в 1979–1989 гг.: биографический анализ. *Восток (Oriens)*. 2023. № 1. С. 76–92. DOI: 10.31857/S086919080023790-6

THE RECRUITMENT OF ELITES TO THE CABINETS OF IRAN:
A BIOGRAPHICAL ANALYSIS (1979–1989)

© 2023

Ilya A. VASKIN ^a

^a – HSE University;
Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9019-6251; ivaskin@hse.ru, ilya.a.vaskin@gmail.com

Abstract: *The article highlights the main patterns of recruiting ministers in the Iranian governments of 1979–1989. The work is based on the theoretical foundation of elite studies. Structural biographical analysis is the research method used in the article. The paper analyzes the biographies of 183 ministers at the first 7 governments of Iran compiled in an aggregated form based on secondary data published by other researchers. The results of the work show that the first 3 years of the executive branch's existence were the most unstable – as many as 5 cabinets have succeeded one another in such a short period of time. 55–65% of all ministers had technical education. At the same time, the share of members of governments with humanitarian professions decreased; the military officers and doctors have been replacing them. The only cabinet that was well-balanced in regard to the professional skills of its members was Bazargan's one, later the share of ministers with education received locally increased, leaving less place for officials with Western education. The governments of Bazargan and the Council of the Islamic Revolution were balanced, bureaucrats, scholars and professionals were relatively evenly represented there. Later, professional bureaucrats have become the majority in the cabinets. During this period, new elite groups have emerged in the governments: the Shiite clergy and veterans of the Islamic Revolutionary Guard Corps. The share of clergymen remains stable and fluctuates within the range of 9–14%. At the same time, the share of veterans of the IRGC increases with each new government, reaching 21% in the second government of Mousavi. 60–70% of ministers came from regional capitals, and Tehran and Isfahan were the key provinces to recruit ministers.*

Keywords: *administrative elite, cabinet, Iran, elite recruitment, bureaucracy, biographical analysis.*

For citation: Vaskin I.A. The Recruitment of Elites to the Cabinets of Iran: A Biographical Analysis (1979–1989). *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 1. Pp. 76–92. DOI: 10.31857/S086919080023790-6

ВВЕДЕНИЕ

11 февраля 1979 г. аятолла Хомейни назначил Мехди Базаргана первым премьер-министром после падения режима Пехлеви. За последующие 2 года в стране сменилось ещё 4 правительства, и только в ноябре 1981 г. произошла относительная стабилизация её политической системы.

В течение 10 лет с 1979 г. внутри постреволюционного иранского режима произошёл ряд событий, повлиявших на его состояние: кризис с американскими заложниками; Ирано-Иракская война; конфликт первого избранного президента Абольхасана Банисадра с аятоллой Хомейни; теракт, приведший к гибели президента Али Раджаи и премьер-министра Мохаммад-Джавада Бахонара в 1981 г. Этот период заканчивается завершением Ирано-Иракской войны, смертью аятоллы Хомейни и конституционной реформой 1989 г. По её итогам политическая система Ирана сильно изменилась: был упразднён пост

премьер-министра, все полномочия перешли к президенту [Milani, 1993]; была создана Ассамблея по определению целесообразности как институт для разрешения конфликтов между различными ветвями власти [Ghiabi, 2019]. В целом этот период был переходным, когда, с одной стороны, создавались новые политические институты, а с другой – старые меняли свои функции и/или демонтировались.

Целью данной статьи является анализ паттернов рекрутирования элит в первые правительства Ирана, от возникновения Исламской республики в 1979 г. до Конституционной реформы, смерти аятоллы Хомейни и передачи власти в стране аятолле Хаменеи в 1989 г.

Данные для данного исследования были извлечены из «Postrevolutionary Iran: A Political Handbook» [Boroujerdi, Rahimkhani, 2018], где, в том числе, даны краткие биографии около 3000 представителей элит Ирана после Исламской революции, собираемые авторами в течение 14 лет. Из вторичных данных были собраны биографии членов правительств 1979–1989 гг., всего 183 назначения в 7 правительствах. Полученные количественные данные в процентах были округлены до десятых долей процента. Поскольку исследование обзорное, оно не претендует на высокий уровень детализации. В данном исследовании был использован структурно-биографический метод. Все биографии были стандартизованы по критериям места получения образования, специализации, принадлежности к Корпусу стражей Исламской революции (КСИР) и духовенству, провинциальному происхождению. Далее они были сопоставлены по составам правительства.

Кроме того, в данном исследовании исключён анализ правительств по политическим фракциям. Сделано это по причине сложности атрибуции членов правительств, т. к. политические движения и организации, которые они представляют, меняли свою принадлежность в политическом спектре Ирана. При этом для иранских политиков типичными является ситуации, когда они принадлежат к одной фракции, а избираются от другой [Razavi, 2010]. Данная неопределённость мешает явно идентифицировать идеологическую принадлежность соответствующих министров.

Основная цель работы – проанализировать динамику основных социально-демографических факторов, повлиявших на рекрутирование элит в правительства Ирана в 1979–1989 гг.

Данное исследование дополняет предыдущую работу [Васькин, 2019], в которой были освещены паттерны рекрутирования элит в правительства Ирана в 1989–2017 гг.

КАК РЕКРУТИРУЮТСЯ ЭЛИТЫ? ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Существующие исследования рекрутирования элит показывают, что для стран Европы и Америки характерно привлечение выходцев из институтов гражданского общества и политических партий [The Profession, 1991; Page, Wright, 1999; The Selection, 2014]. Клановые структуры в целом являются важным источником рекрутирования элит в Восточной Азии [Rothacher, 1993; Zang, 2003; Barr, 2014], однако для «азиатских тигров» значимо также образование. Патримониальные связи, образование, принадлежность к среднему классу, армии и происхождение играют большую роль в рекрутировании элит в странах Ближнего и Среднего Востока [Szyliowicz, 1971; Faksh, 1976; Assiri, Al-Monoufi, 1988; Sayari, Bilgin, 2011].

Исследования иранских элит, в свою очередь, довольно разнообразны. Одни освещают структуры власти [Buchta, 2000], показывая, как устроено разделение на формальные и неформальные центры власти.

Другая большая группа исследователей фиксирует внутриэлитные размежевания в Иране: идеологические [Akhavi, 1987; Malek, 1989; Behrooz, 1991; Rakel, 2008], структурные

[Golkar, 2016], клановые [Мамедова, 2016]. Они фиксируют отношения между самими политическими фракциями, с другой стороны обращают внимания на более широкие элитные группы: духовенство, технократов и военных. К ним примыкают исследования интеллектуальных групп внутри иранской элиты [Khosrokhavar, 2001, Kamrava, 2008], анализирующие идеологическую трансформацию разных частей иранской элиты, а также межэлитного конфликта в Иране [Филин, 2013].

Кроме того, ряд исследований также частично охватывает депутатский корпус [Vakili-Zad, 1994; Baktiari, 1996; Alem, 2011], отмечая рост доли депутатов с учёными степенями и уменьшение доли духовенства среди членов иранского парламента.

ЭВОЛЮЦИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ИРАНЕ В 1979–1989 гг.

Исполнительная власть Исламской республики прошла в 1979–1989 гг. через 3 этапа трансформации (общую динамику см. табл. 1): с главой исполнительной власти – премьер-министром (1979), главой исполнительной власти – Советом исламской революции (1979–1980), главой исполнительной власти – президентом (1980–1989).

До Исламской революции [*Constitution of Iran*, 1906] министров и премьер-министра Ирана назначал шах (ст. 46), при этом они были ответственны перед обеими палатами существовавшего на тот момент парламента (ст. 44).

В течение первого послереволюционного периода (февраль – ноябрь 1979 г.) в стране исполнительной властью руководил премьер-министр, все остальные органы исполнительной власти подчинялись ему. Политически в это время в стране существовало двойное правление – светского премьера Мехди Базаргана и религиозного деятеля аятоллы Хомейни [Arjomand, 1988]. Важно отметить, что Хомейни сам назначил Базаргана премьером [*Appointment*, 1379/2001]. Этот период закончился открытым конфликтом светского и исламского правительств, в том числе из-за захвата американского посольства. 4 ноября светский кабинет министров Базаргана ушёл в отставку, а его место занял Совет Исламской Революции.

Совет Исламской Революции (ноябрь 1979 – май 1980 г.) функционально был промежуточным правительством, руководящим исполнительной властью вплоть до первых выборов президента и парламента. Совет был создан в январе 1979 г. и выполнял функции параллельного правительства, в том числе внося законопроекты в Меджлис. Руководителями Совета был аятолла Мохаммад Бехешти как его первый секретарь и Абольхасан Банисадр как председатель. Во время этого периода также произошло одобрение Конституции ИРИ на референдуме (2-3 декабря 1979 г.).

Таблица 1. Исполнительная власть в Иране, 1979–1989 гг.

Президент	Премьер-министр	Период
Мехди Базарган (как премьер-министр)		11.02.1979 – 05.11.1979
Совет Исламской Революции		06.11.1979 – 28.05.1980
Саид Абольхасан Банисадр	Мохаммад-Али Раджаи	10.09.1980 – 21.06.1981
Мохаммад-Али Раджаи	Мохаммад-Джавад Бахонар	17.08.1981 – 30.08.1981
Президентский совет	Мохаммад-Реза Махдави-Кани	03.09.1981 – 18.10.1981
Сейед Али Хаменеи	Мир-Хосейн Мусави	02.11.1981 – 14.08.1985
Сейед Али Хаменеи	Мир-Хосейн Мусави	28.10.1985 – 03.08.1989

Последующие правительства (с сентября 1980 г.) уже не были промежуточными, т. к. функционировали согласно Конституции ИРИ [Ramazani, 1980]. Согласно ей, государство строилось на основе принципов веляят-э факих¹. Соответственно главой государства был Верховный руководитель. Он назначал Главу судебной власти, 6 факихов в Наблюдательный совет, всех руководителей вооружённых сил (ст. 110). Вместе с тем, Верховный руководитель избирался Советом экспертов, выборным органом власти, состоящим из 87 исламских клериков (ст. 108). Формально они контролировали деятельность Верховного руководителя на соответствие Конституции и нормам ислама. При этом важно отметить, что Верховный руководитель был скорее арбитром, разрешающим конфликты между ветвями власти, и институтом, определяющим стратегию страны в целом. За текущее управление страной отвечало правительство, законодательной деятельностью занимались Меджлис и контролирующий законопроекты на соответствие нормам ислама Наблюдательный совет (ст. 94).

По Конституции ИРИ президент избирался напрямую, однако окончательный список кандидатов формировал Наблюдательный совет, а утверждал его Верховный руководитель (ст. 99, 110). При этом он был сильно ограничен в своих возможностях: Верховный руководитель (ст. 110), Наблюдательный совет и Меджлис (ст. 89, 124, 135) могли следить за деятельностью исполнительной власти. Вместе с тем, сам президент по факту выполнял церемониальные функции, ключевые полномочия принадлежали премьер-министру [Ramazani, 1980; Milani, 1993]. Премьер-министр номинировался президентом и подтверждался Меджлисом (ст. 124). Министры назначались по предложению премьера, президент и Меджлис подтверждали соответствующее назначение (ст. 136).

Конституционный статус исполнительной власти стал источником конфликтов, которые в дальнейшем привели к демонтажу должности премьер-министра и передачи всех его прав и обязанностей президенту и вице-президентам в 1989 г.

Первый политический кризис в Исламской республике связан с желанием первого избранного президента Абольхасана Банисадра усилить роль президента и сделать президентскую должность независимой ветвью власти. Он попытался заставить Меджлис назначить премьер-министром лояльного ему, президенту, человека. Однако его принудили выбрать в качестве премьера Али Раджаи. В результате в течение президентства Банисадра президент и премьер не могли договориться о составе правительства. Поскольку конфликт затянулся, в него вмешался аятолла Хомейни, который попросил Банисадра в выборе министров следовать рекомендациям Раджаи. В результате, Банисадр был подвергнут импичменту и, уйдя в оппозицию к режиму, был вынужден эмигрировать в Париж [Milani, 1993].

С июня 1981 г. наблюдается период нестабильности. В конце июля 1981 г., набрав 88% голосов, Али Раджаи был избран на пост президента ИРИ. Но уже через две недели после инаугурации Раджаи, глава его правительства Бахонар и ещё несколько руководителей были убиты в результате теракта. Было сформировано Временное правительство Махдави-Кани. Период нестабильности закончился выборами нового президента Али Хаменеи в октябре

¹ Веляят-э факих является официальной идеологией Исламской республики Иран. Согласно ей, в эпоху Большого сокрытия двенадцатого имама Мухаммада аль-Махди шиитов должен возглавлять компетентный шиитский юрист (факих). Согласно официальной идеологии, это естественное продолжение традиционной шиитской юриспруденции. В свою очередь, исследователи отмечают в этой доктрине разрыв с традиционным шиизмом [Mavani, 2001]. Вместе с тем, существуют разные интерпретации этой доктрины: Верховный руководитель может интерпретироваться как царь-философ-мистик из неоплатонической традиции [Martin, 2000; Dabashi, 1993] или как суверен в гоббсианском понимании этого термина [Namazi, 2019]. Кроме того, с точки зрения, реформаторски настроенной части иранского духовенства веляят-э факих является не абсолютным, а ограниченными демократическими практиками [Hossainzadeh, 2014]. С основными аргументами дискуссии можно ознакомиться в соответствующей статье Расула Намази [Namazi, 2019].

1981 г. Этот новый этап продолжался до Конституционной реформы 1989 г. Премьер-министром в это время был Мир-Хосейн Мусави, назначенный Хомейни [Milani, 1993].

В течение 1980-х гг. также усиливались противоречия между Меджлисом и Наблюдательным Советом – последний часто ветировал решения первого, при этом поддержанные правительством, что сильно тормозило законодательную деятельность в стране. Эта ситуация вынудила представителей Меджлиса, Наблюдательного совета и Судебной власти обратиться к Верховному руководителю. Однако попытки реформы Конституции без её кардинального изменения ни к чему не привели. Потому аятолла Хомейни создал Ассамблею по пересмотру Конституции. Поправки предполагали концентрацию исполнительной власти в руках президента и отказ от должности премьер-министра. Президент назначает министров с одобрения Меджлиса и вице-президентов – независимо от других органов власти. В итоге президент стал исполнителем директив Верховного руководителя [Milani, 1993; Ghiabi, 2019].

Таким образом, за 10 лет исполнительная власть в Иране пережила сильную трансформацию, пройдя путь от сильного премьера к сильному президенту через «вражду-существование» премьера и президента одновременно.

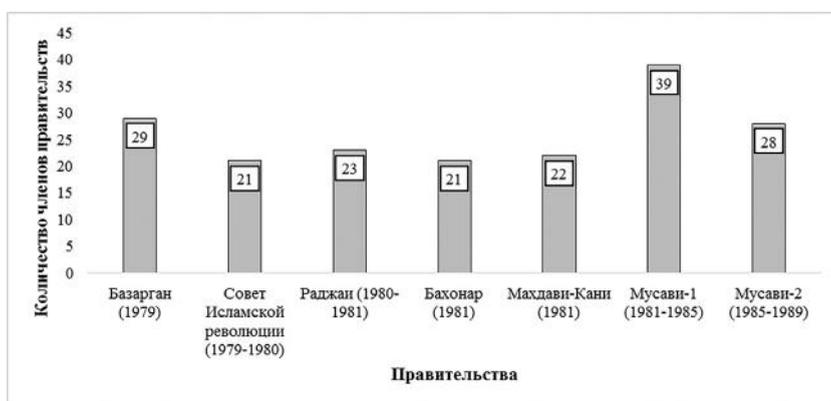

Рисунок 1. Количество членов правительств Ирана, 1979–1989 гг.

Figure 1. The Number of Cabinet Members of Iran, 1979–1989.

Динамика количества членов правительств Ирана также отражает внутренние конфликты Исламской республики (см. рис. 1). Во Временном правительстве Базаргана (1979) было 29 человек, т. к. изначально оно было выстроено на консенсусе между Базарганом и Хомейни. В последующих четырёх правительствах количество министров колебалось в диапазоне около 21–23 человек, что связано либо с их временным статусом, либо с институциональным конфликтом премьера и президента, который не был разрешён вплоть до Конституционного референдума 1989 г. Соответственно, в правительствах Мусави было 38 и 29 человек, что говорит о том, что в первый свой срок он регулярно ротировал министров, а во второй делал это реже, т. к. у него устоялась команда.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ЧЛЕНОВ ИРАНСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ

Полученное членами элиты образование является важным фактором, влияющим на проводимую ими политику. Исследования, в основе которых лежат материалы США и

Европы, показали, что техническое и экономическое образование способствует более консервативной политике. В свою очередь, гуманитарное образование делает взгляды и действия элит либеральнее [Ladd, Lipset, 1972; Putnam, 1977].

В целом важно отметить, что Исламская революция сопровождалась интеллектуальной эмиграцией, в течение которой наиболее образованные и вестернизированные иранцы массово покидали страну. Она нарастала до 1990 г. и только потом пошла на убыль [Mossayeb, Shirazi, 2006]. Параллельно в самом Иране происходили два процесса: исламизация и массовизация образования, в том числе высшего [Habibi, 2015; Mojab, 1991].

Таблица 2. Распределение членов правительств Ирана по специальности полученного образования, 1979–1989 гг., %

	Естественные и медицинские науки	Гуманитарные науки	Физико-математические и инженерные науки	Военные науки	Теология	Неизвестно
Правительство Базаргана (1979)	20,7	41,4	34,5	0	0	3,5
Совет Исламской революции (1979–1980)	19,1	19,1	42,9	0	14,3	4,8
Правительство Раджаи (1980–1981)	17,4	30,4	34,8	4,4	13	0
Правительство Бахонара (1981)	9,5	23,8	47,6	4,8	14,3	0
Правительство Махдави-Кани (1981)	9,1	22,7	54,6	4,6	9,1	0
Правительство Мусави-1 (1981–1985)	12,8	25,6	43	2,6	10,3	5,1
Правительство Мусави-2 (1985–1989)	10,7	21,4	46,4	7,1	7,1	7,1

Составлено автором по: [Boroujerdi, Rahimkhani, 2018, p. 161].

С точки зрения специализации полученного образования (см. табл. 2) можно зафиксировать рост доли министров с математическим и инженерным образованием (с 34 до 43–46%). При этом доля представителей гуманитарных наук в правительствах ИРИ за 10 лет уменьшилась в 2 раза с 40 до 22%.

Вместе с тем новой тенденцией стало появление в правительстве министров с военным и теологическим образованием. Первые, типа Джавада Факари, вошли в него при премьерере Раджаи, что может быть объяснено Ирано-Иракской войной, и до второго срока Мусави их доля колебалась около 4–6%. Специалисты с теологическим образованием (например, Акбар Хашеми-Рафсанджани и Мохаммад-Реза Махдави-Кани) стали частью правительств во время правления Совета Исламской Революции, их доля колебалась от 7 до 14%.

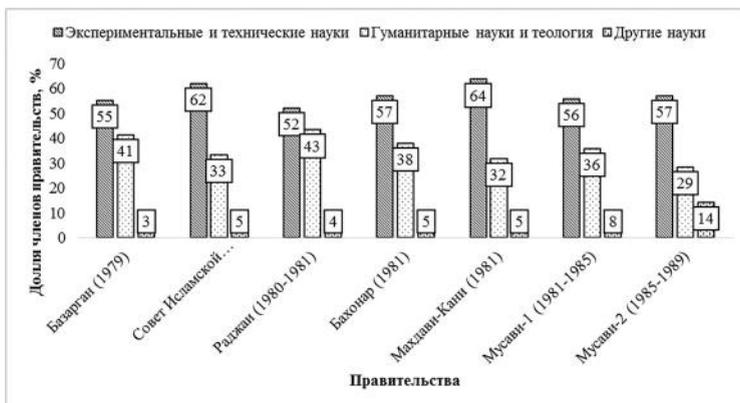

Рисунок 2. Распределение членов правительств Ирана по специальностям, 1979–1989 гг., %
 Figure 2. The Distribution of the Cabinet Members of Iran by the Specialization, 1979–1989, %.

Составлено автором по: [Boroujerdi, Rahimkhani, 2018, p. 161].

При обобщении специализаций образования (см. рис. 2) станет виден тренд на сохранение доли министров с техническим и естественным образованием (55–65%), сопровождаемый постепенным уменьшением доли гуманитариев (с 40 до 29–30%). Также становится видной новая группа министров, получивших другое образование. Вплоть до 1981 г. она составляет 3–5% всех министров, в первом правительстве Мусави – 8%, а уже во втором достигает 14%.

Рисунок 3. Распределение членов правительств Ирана по месту получения образования, 1979–1989 гг., %

Figure 3. The Distribution of the Cabinet Members of Iran by the Place of Education, 1979–1989, %.

Составлено автором по: [Boroujerdi, Rahimkhani, 2018, p. 166].

Примечание: под иранским образованием подразумевается наличие высшего образования, полученного в любом из иранских университетов. Наличие западного образования означает наличие степени бакалавра и/или магистра и/или PhD, полученной в любом из университетов Западной Европы, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Японии, Южной Кореи.

Следующий возможный индикатор анализа образования элит – место его получения. Это исследование сфокусировано на дихотомии Иран – Запад, т. к. Запад для Ирана является значимым Другим, частично формирующим язык и координаты, в которых существуют политический режим и оппозиция страны [Mirsepassi, 2000].

Наличие образования, полученного в развитой стране, может значимо влиять на поведение конкретных представителей элиты по ряду причин. Во-первых, в этих странах качество образования выше иранского. Во-вторых, оно способствует интеграции в мировую элиту, что становится особенно явным при обучении в университетах типа Калифорнийского университета в Беркли и Женевского. В-третьих, обучение в другой стране предполагает опыт в жизни в ней, что способствует расширению кругозора и гибкости человека в целом. Наконец, сам по себе факт обучения в престижном международном вузе может свидетельствовать об интеллектуальных способностях, доходах его семьи, т. к. попасть в эти университеты – очень сложная задача.

Анализ состава правительств Ирана с этой точки зрения показывает, что в целом был тренд на замещение министров с международным образованием министрами с иранскими степенями. Доля первых упала с 52% при Базаргане до 25% во втором правительстве Мусави. В свою очередь, доля вторых выросла с 48% до 68%.

Типичными примерами иранцев с западным образованием являются министр экономики и финансов начиная с правительства Раджаи и до первого правительства Мусави включительно Хосейн Намази, получивший степени бакалавра, магистра и PhD по экономике в Университете Инсбрука, Австрия; министр сельского хозяйства во втором правительстве Мусави Иса Калантари, PhD в сельскохозяйственной инженерии Государственного университета Айовы; министр коммерции в обоих правительствах Мусави Хасан Абеди-Джафари, получивший степень MBA в Техасском университете A&M.

Вместе с тем, важным является сохранение достаточно большой доли министров с как минимум одним дипломом, полученным на Западе. Несмотря на все внутренние конфликты, Ирано-Иракскую войну, санкции, международную изоляцию, для коллективного руководства Исламской республики было важным сохранять в правительствах как минимум 25% членов, получивших образование в одной из стран Запада. Такой подход может говорить о высоком уровне рациональности руководства ИРИ, несмотря на то, что новое государство строилось как антизападное и антисистемное в целом.

ПРОФЕССИЯ ДО ВХОЖДЕНИЯ В ЭЛИТУ

Роль профессионального состава элиты также важна. Во-первых, профессия влияет на поведение элит в целом. Во-вторых, она может влиять на легитимность и сплочённость элиты [Putnam, 1976].

Профессиональный состав членов правительств Ирана в 1979–1989 гг. (см. табл. 3) менялся по ряду направлений. Во-первых, усиление доли чиновников, начиная с правительства Раджаи (1980–1981), и её дальнейшее доминирование в последующих правительствах. Она выросла с 24% в 1979 г. до 46% в 1980 г. и далее до 1989 г. колебалась в диапазоне 45–50%.

Во-вторых, произошло уменьшение доли выходцев из научных кругов, а также врачей, юристов и инженеров. Если в правительстве Базаргана их было по ~28%, то начиная с кабинета Раджаи, их доля начала плавно уменьшаться. Соответственно, доля учёных достигла 18% во время второго срока Мусави, а доля врачей, юристов и инженеров вместе взятых колебалась в диапазоне 4–10% в течение 1980–1989 гг.

Помимо этих групп, в правительствах, начиная с правительства Совета Исламской Революции, появилось духовенство. В дальнейшем его доля в среднем составляла около

9–10% за исключением правительства Махдави-Кани, где представителей духовенства было около 5%.

Таблица 3. Распределение членов правительств Ирана по профессии до вхождения в элиту, 1979–1989 гг., %.

	Наука	Базар	Духовенство	Военные	Государственные чиновники	Врачи, юристы, инженеры)	Другие	Неизвестно
Базарган (1979)	27,6	0	0	0	24,1	27,6	3,5	13,8
Совет Исламской революции (1979–1980)	30	0	10	0	30	25	0	5
Раджаи (1980–1981)	21,8	0	8,7	4,4	47,6	8,7	0	8,7
Бахонар (1981)	28,6	4,8	9,5	4,8	47,6	4,8	0	0
Махдави-Кани (1981)	31,8	4,6	4,6	4,6	50	4,6	0	0
Мусави-1 (1981–1985)	20,5	2,6	10,3	7,7	48,7	10,3	0	0
Мусави-2 (1985–1989)	18,1	0	10,7	14,3	46,4	7,1	0	3,6

Составлено автором по: [Boroujerdi, Rahimkhani, 2018, p. 162].

Новой для Исламской республики группой стали военные. Впервые они вошли в состав правительства при премьере Раджаи, их доля составляла около 5%. В правительствах Бахонара и Махдави-Кани она оставалась примерно такой же. В первом и втором правительствах Мусави выходцы из армии значительно увеличили своё присутствие, до 8 и 14% соответственно.

Важно также отметить относительно недолгое присутствие представителя Базара в кабинетах министров, министра коммерции Хабиболлы Асгароуляди. Оно приходится на правительства Бахонара, Махдави-Кани (по 5%) и первый срок Мусави (2,5%). Его наличие в этот период может быть объяснено желанием нового режима получить финансовую поддержку во время Ирано-Иракской войны, а также одним из механизмов кооптации Базара [Keshavarzian, 2007].

При разделении членов правительств на более обобщённые группы: наука, чиновники, гуманитарно-техническая интеллигенция и остальные (см. рис. 4), тренды, описанные выше, подтвердятся. Более того, такой подход позволяет зафиксировать коалиционный состав первых двух правительств ИРИ: в них основные группы представлены относительно равномерно. При этом начиная с правительства Раджаи ведущей профессией становится бюрократическая, сохраняя за собой 46-50% всех назначений в кабинеты министров, что свидетельствует о восстановлении её роли, несмотря на эффект Исламской революции.

Выходцев из других профессий, помимо бюрократии, во всех правительствах, начиная с кабинета Раджаи было 45–55%. При этом уменьшалась доля учёных, до 18% во время

второго срока Мусави. Профессионалы, в свою очередь, начиная с кабинета Раджаи, стали меньшинством, их доля колебалась в диапазоне 5–10%

Рисунок 4. Распределение членов правительств Ирана по профессии до вхождения в элиту, 1979–1989 гг., %

Figure 4. The Distribution of the Cabinet Members of Iran by the Pre-Elite Occupation, 1979–1989, %.

Составлено автором по: [Boroujerdi, Rahimkhani, 2018, p. 162].

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К ДУХОВЕНСТВУ И СЛУЖБА В КСИР

Шиитское духовенство является одним из ключевых акторов на политической арене Ирана. Несмотря на внутренние противоречия и конфликты [Künkler, 2009], оно относительно едино, т. к. объединено духовными практиками, которые непосредственно отражаются в его политическом поведении [Schahgaldian, 1990, Дунаева, 2018].

С точки зрения системы управления, шиитское духовенство занимает ключевые должности в политической системе и формирует её структуру [Alem, 2011]: Верховный руководитель, Совет экспертов, половина Наблюдательного совета [Constitution, 1979/1989]. Представленность этой группы может отражать её влияние на принятие политических решений в правительстве, а также на премьер-министра и парламент страны.

Помимо этого, несмотря на высокий уровень фракционализации, представленность духовенства может указывать на сплочённость административной элиты Ирана [Rakel, 2009].

Корпус стражей Исламской революции является одной из самых влиятельных организаций Ирана [Wehrey et al., 2009]. Он был создан в 1979 г. как вторая армия и политическая полиция, подчиняющаяся непосредственно Верховному руководителю. Начиная с момента своего создания, она постепенно стала не столько армией, сколько корпорацией. КСИР отвечает не только за военные вопросы и безопасность, но также обладает собственностью в разных отраслях: производство потребительских товаров, телекоммуникации, нефтегазовая отрасль – вот неполный список направлений, которые так или иначе интересны Корпусу стражей [Alfoneh, 2013; Сажин, 2017]. Ветеранов КСИР объединяют нормы и практики, связанные с военной службой, а также ветеранские организации, которые могут быть мобилизованы как инструмент политической борьбы [Ostovar, 2016].

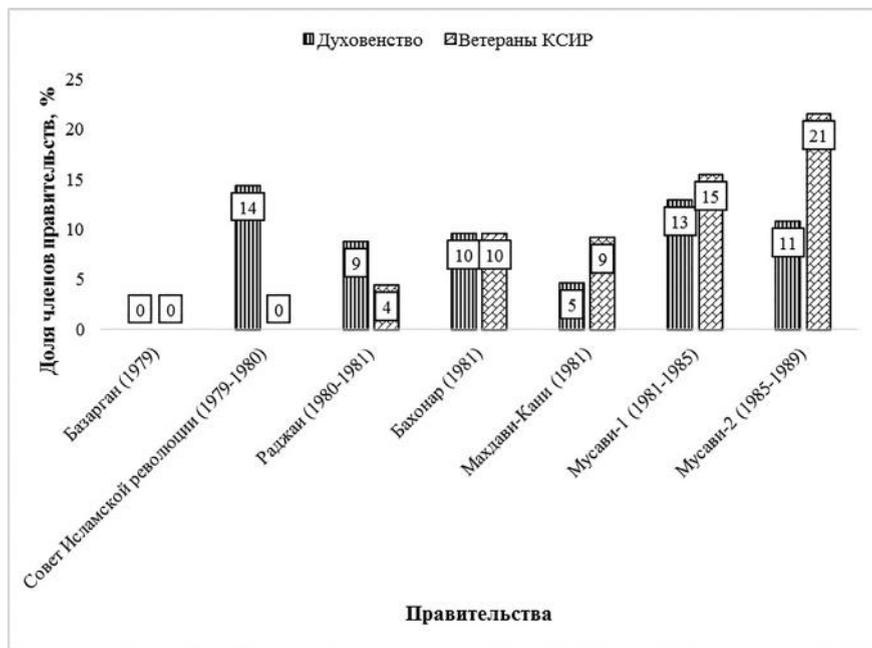

Рисунок 5. Духовенство и ветераны КСИР среди членов правительств Ирана, 1979–1989 гг., %.
 Figure 5. The Share of Clergy and the IRGC Veterans among the Cabinet Members of Iran, 1979–1989, %.
 Составлено автором по: [Boroujerdi, Rahimkhani, 2018, p. 165].

Впервые выходцы из исламского духовенства появились в правительстве Совета Исламской Революции, их доля составляла 14%. В дальнейшем их представленность варьировала в диапазоне 9–13% в зависимости от кабинета министров.

Что касается ветеранов КСИР, то они впервые были рекрутированы в правительство при премьер-министре Раджаи, их доля составляла 4%. Вместе с тем во всех последующих кабинетах министров их представленность росла, достигнув 21% во втором кабинете Мусави.

Уже в первые 10 лет после революции выявляется тренд на постепенное увеличение роли ветеранов КСИР в правительствах Ирана, при этом представленность духовенства находится на примерно одном уровне.

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИНИСТРОВ

То, уроженцами каких регионов были министры, также может быть значимым индикатором, объясняющим внутриэлитную динамику. Если министры происходят из разных провинций, то, скорее всего, в стране работают социальные лифты. Эти лифты позволяют людям из разных провинций, в том числе из глубинки, занимать высокие государственные должности. В обратном случае, когда большинство элиты имеет столичное происхождение, или происходит из одной провинции или одного из городов, это может свидетельствовать о силе и роли патримониальных связей внутри элит.

Как видно на рис. 6, ключевых провинций для рекрутирования иранских министров было две: Тегеран и Исфахан. Доля тегеранцев в иранском правительстве колебалась в диапазоне 30–40%, за исключением Совета Исламской Революции, где их было 48%.

Исфаханцев в среднем было 14–25%. Явным исключением является правительство премьера Раджаи, где второй провинцией был Восточный Азербайджан, а доля выходцев из него достигала 26%.

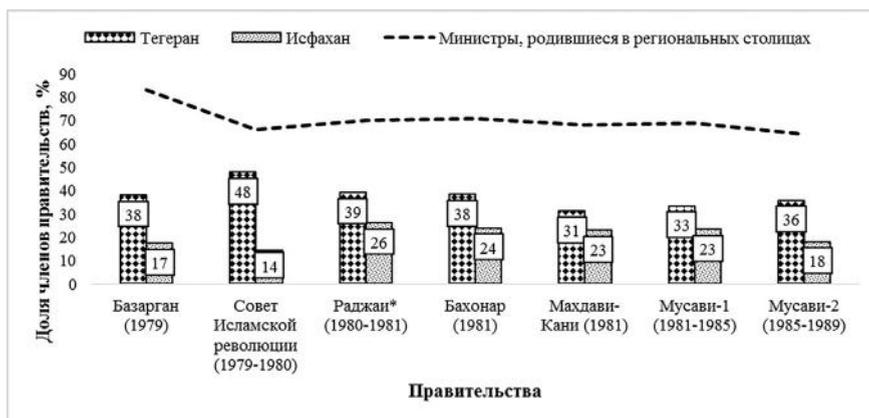

Рисунок 6. Происхождение членов правительств Ирана по провинциям, 1979–1989 гг., %.

Figure 6. The Provincial Origin of the Cabinet Members of Iran, 1979–1989, %.

Составлено автором по: [Boroujerdi, Rahimkhani, 2018, p. 164–165]. Примечание: в правительстве Раджаи второй провинцией по доле выходцев был Восточный Азербайджан.

Ещё один значимый показатель внутриэлитной динамики связан с территориальным происхождением министров. Министры, происходящие из региональных столиц, т.е. из крупных и средних городов Ирана, составляли 80% в правительстве Базаргана, а далее их доля колебалась в диапазоне 60–70%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в течение первых 10 лет существования Исламской республики, можно выявить следующие тренды, характерные для рекрутирования элит в правительства ИРИ:

- за этот период дважды изменился принцип руководства исполнительной властью. Если изначально ею руководил премьер-министр, то с 1980 г. – сильный премьер и слабый президент. Такая ситуация стала одним из источников конфликтов между ветвями власти, что в то числе привело к Конституционной реформе 1989 г. и сосредоточению всей исполнительной власти в руках одного президента;

- основной чертой в течение первых трёх лет существования ИРИ была нестабильность. В течение этого периода в стране сменилось 5 правительств, и только с момента назначения кабинета Мусави интенсивность политических конфликтов снизилась;

- образование членов правительств при анализе их специальностей в основном было техническим: 55–65% в течение всех 7 правительств. При этом доля министров с гуманитарным образованием в целом уменьшалась, они замещались министрами с военным и медицинским образованием;

- распределение министров по стране получения образования показывает на наличие баланса в правительства Базаргана, где было примерно по 45–52% членов правительств с иранским и западным образованием. Начиная с правительства Совета Исламской

Революции, доля членов с иранским образованием росла, а с западным образованием падала. В правительстве Бахонара и позже установился новый баланс: 60–70% членов с иранским образованием, 25–35% с западным;

– профессионально правительства Базаргана и Совета Исламской Революции были относительно равновесными. В них примерно поровну, по 25–30% были представлены учёные, чиновники и профессионалы: врачи, юристы, инженеры. Начиная с правительства Раджаи, ключевой профессией становятся чиновники (государственные служащие), выходцы из неё занимают по 50% в каждом кабинете министров. При этом в них также появляются новые группы: военные и духовенство. В трёх первых правительствах имелись представители Базара, однако их доля колебалась в пределах 3–5%, и они полностью исчезают уже во втором правительстве Мусави;

– шиитское духовенство впервые возникает как группа в правительстве Совета Исламской Революции, далее его доля составляет 9–14% за исключением правительства Махдави-Кани с 5%;

– ветераны КСИР впервые рекрутируются в кабинет министров Раджаи с долей в 4%. Далее они постепенно наращивают своё присутствие в нём, достигая 21% во втором правительстве Мусави;

– ключевыми провинциями рекрутирования новых министров были останы Тегеран и Исфahan, чья доля в сумме в разные годы составляла 50–60%. Единственным исключением было правительство Раджаи, 26% членов которого были из Восточного Азербайджана. Во время его премьерства эта провинция заместила Исфahan;

– доля выходцев из региональных столиц в течение всего периода составляла около 60–70%. Единственным исключением было правительство Базаргана с 83% министров, родившихся в центральных городах регионов Ирана.

Отличие правительства Базаргана от всех последующих может быть объяснено тем, что вплоть до ноября 1979 г. был этап антимонархической революции, и только после его отставки начался переход к исламской революции [Алиев, 2004].

Данные характеристики рекрутирования свидетельствуют о кардинальной смене моделей рекрутирования в исполнительную власть Ирана в 1979–1989 гг. Если про правительства Базаргана и Совета Исламской революции можно сказать, что они строились на принципе коалиционности разных групп, то все последующие построены на бюрократической модели рекрутирования с участием учёных и духовенства.

Выявленные тренды указывают на сложность строительства новой исполнительной власти в Иране и рекрутирования в неё элиты: высокий уровень конфликтности внутри элит способствовал смене 5 правительств за 3 года. Вместе с тем, именно в течение первых иранских правительств были заложены основные тенденции рекрутирования министров. Показательным случаем тут является быстрое восстановление бюрократии. Несмотря на формальную победу коалиции Хомейни, начиная с правительства премьера Раджаи большая часть министров изначально представляла собой бюрократию. И, соответственно, именно коалиция бюрократии, силовиков и духовенства сформировала основные черты исполнительной власти в ИРИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алиев С.М. *История Ирана. XX век*. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004 [Aliev S.M. *History of Iran. 20th Century*. Moscow: IOS RAS, Kraft+, 2004 (in Russian)].

Васькин И.А. Паттерны рекрутирования членов правительств Ирана (1989–2017). *Восток (Oriens)*. 2019. № 5. С. 44–59 [Vaskin I.A. Recruitment Patterns for the Cabinet Members of Iran (1989–2017). *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 5. Pp. 44–59 (in Russian)].

Дунаева Е.В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11. № 4. С. 169–189 [Dunaeva E.V. Shiite Clergy in Iran's Political Life. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2018. Vol. 11. No. 4. Pp. 169–189 (in Russian)].

Мамедова Н.М. Иран: особенности формирования политической элиты. *Восток (Oriens)*. 2016. № 1. С. 121–127 [Mamedova N.M. The Features of Formation of Political Elite in Iran. *Vostok (Oriens)*. 2016. No. 1. Pp. 121–127 (in Russian)].

Сажин В.И. Корпус Стражей Исламской Революции Ирана – государство в государстве. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10. № 3. С. 83–109 [Sazhin V.I. The Islamic Revolution Guards Corps of Iran: A State Within a State. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2017. Vol. 10. No. 3 Pp. 83–109 (in Russian)].

Филин Н.А. Исследование конфликта элит в современном Иране. *Власть*. 2013. № 2. С. 112–115 [Filin N.A. Study of the Elite's Conflict in the Modern Iran. *Vlast' (The Authority)*. 2013. No. 2. Pp. 112–115 (in Russian)].

Akhavi S. Elite Factionalism in the Islamic Republic of Iran. *Middle East Journal*. 1981. Vol. 41. No. 2. Pp. 181–201.

Alem Y. *Duality by Design: The Iranian Electoral System*. Washington, D.C.: International Foundation for Electoral Systems, 2011.

Alfoneh A. *Iran Unveiled: How the revolutionary guards is transforming Iran from theocracy into military dictatorship*. Washington: AEI Press, 2013.

Appointment of Mehdi Bazargan as Prime Minister. 15.11.1379/03.02.2001. <https://clck.ru/33Six7> (accessed: 10.06.2021).

Arjomand S. *The Turban for the Crown: the Islamic Revolution in Iran*. Oxford: Oxford University Press, 1988.

Assiri A.-R., Al-Monoufi K. Kuwait's Political Elite: The Cabinet. *Middle East Journal*. 1988. Vol. 42. No. 1. Pp. 48–58.

Baktiari B. *Parliamentary Politics in Revolutionary Iran: The Institutionalization of Factional Politics*. Gainesville: University Press of Florida, 1996.

Barr M. *The ruling elite of Singapore: Networks of power and influence*. London: IB Tauris, 2014.

Behrooz M. Factionalism in Iran under Khomeini. *Middle Eastern Studies*. 1991. Vol. 27. No. 4. Pp. 597–614.

The Profession of Government Minister in Western Europe. Ed. J. Blondel, J.-L. Thiébaud J.-L. London: Macmillan, 1991.

Boroujerdi M., Rahimkhani K. *Postrevolutionary Iran. A Political Handbook*. Syracuse: Syracuse University Press, 2018.

Buchta W. *Who rules Iran?* Washington: The Washington Institute for Near East Policy; Konrad Adenauer Stiftung, 2000.

Constitution of Iran. 1906. With amendments to 1957. <https://irandataportal.syr.edu/wp-content/uploads/iran1957.pdf>. (accessed: 10.06.2021)

Dabashi H. *Theology of Discontent: The Ideological Foundation of the Islamic Revolution in Iran*. New York: New York University Press, 1993.

The Selection of Ministers around the World. Eds: K. Dowding, P. Dumont. New York: Routledge, 2014.

Faksh M.A. Education and Elite Recruitment: An Analysis of Egypt's Post-1952 Political Elite. *Comparative Education Review*. 1976. Vol. 20. No. 2. Pp. 140–150.

Ghiabi M. The council of expediency: crisis and statecraft in Iran and beyond. *Middle Eastern Studies*. 2019. Vol. 55. No. 5. Pp. 837–853.

Golkar S. Configuration of Political Elites in Post-revolutionary Iran. *Brown Journal of World Affairs*. 2016. Vol. 23. No. 1. Pp. 281–292.

- Habibi N. Iran's overeducation crisis: causes and ramifications. *Middle East Brief*. 2015. Vol. 85. No. 89. Pp. 1–7.
- Hossainzadeh N. Ruholla Khomeini's Political Thought: Elements of Guardianship, Consent, and Representative Government. *Journal of Shi'a Islamic Studies*. 2014. Vol. 7. No. 2. Pp. 129–150.
- Kamrava M. *Iran's Intellectual Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Kesahavarzian A. *Bazaar and State in Iran: The Politics of the Tehran Marketplace*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Khosrokhavar F. Neoconservative intellectuals in Iran. *Critique: Journal for Critical Studies of the Middle East*. 2001. Vol. 10. No. 19. Pp. 5–30.
- Künkler M. The Special Court of the Clergy (Dādgāh-Ye Vizheh-Ye Ruhāniyat) and the Repression of Dissident Clergy in Iran. Available at SSRN 1505542. 2009.
- Ladd E.C. Jr., Lipset S.M. Politics of Academic Natural Scientists and Engineers. *Science*. 1972. Vol. 176. No. 4039. Pp. 1091–1100.
- Malek M.H. Elite factionalism in the post-revolutionary Iran. *Journal of Contemporary Asia*. 1989. Vol. 19. No. 4. Pp. 435–460.
- Mavani H. Analysis of Khomeini's Proofs for al-Wilaya al-Mutlaqa (Comprehensive Authority) of the Jurist. Walbridge L.S. (ed.) *The Most Learned of the Shi'a: The Institution of the Marja' al-Taqlid*. Pp. 183–210. New York: Oxford University Press, 2001.
- Martin V. *Creating an Islamic State: Khomeini and the Making of a New Iran*. London: Tauris, 2000.
- Milani M.M. The evolution of the Iranian presidency: from Banisadr to Rafsanjani. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 1993. Vol. 20. No. 1. Pp. 83–97.
- Mirsepasi A. *Intellectual discourse and the politics of modernization: Negotiating modernity in Iran*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Mohammadighaletaki A. *Organizational Change in Political Parties in Iran after the Islamic Revolution of 1979. With Special Reference to Islamic Republican Party (IRP) and the Islamic Iran Participation Front (Mosharekat)*. Durham Theses, Durham University, 2012. <http://www.theses.dur.ac.uk/3507/> (accessed: 10.06.2021).
- Mojab S. *The state and university: The "Islamic Cultural Revolution" in the institutions of higher education of Iran, 1980–1987*. PhD Dissertation. University of Illinois at Urbana-Champaign, 1991.
- Mossayeb S. M., Shirazi R. Education and Emigration: The Case of the Iranian-American Community. *Current Issues in Comparative Education*. 2006. Vol. 9. No. 1. Pp. 30–45.
- Namazi R. Ayatollah Khomeini: From Islamic Government to Sovereign State. *Iranian Studies*. 2019. Vol. 52. No. 1–2. Pp. 111–131.
- Ostovar A. *Vanguard of the Imam: religion, politics, and Iran's revolutionary guards*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Page E.C., Wright V. *Bureaucratic Elites in Western European States: A Comparative Analysis of Top Officials*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976.
- Rakel E.P. *Power, Islam, and Political Elite in Iran*. Leiden: Brill, 2008.
- Rakel E. P. The Political Elite in the Islamic Republic of Iran: From Khomeini to Ahmadinejad. *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2009. Vol. 29. No. 1. Pp. 105–125.
- Ramazani, R. K. Constitution of the Islamic Republic of Iran. *Middle East Journal*. 1980. Vol. 34. No. 2. Pp. 181–204.
- Razavi R. The road to party politics in Iran (1979–2009). *Middle Eastern Studies*. 2010. Vol. 46. No. 1. Pp. 79–96.
- Rothacher A. *The Japanese power elite*. Cham: Springer, 1993.
- Sayari S., Bilgin H.D. Paths to Power: The Making of Cabinet Ministers in Turkey. 2011. *Parliamentary Affairs*. Vol. 64. No. 4. Pp. 737–762.

- Schahgaldian N.B. *The Clerical Establishment in Iran*. Los Angeles: The RAND Corporation, 1990.
- Szyliowicz J.S. Elite Recruitment in Turkey: The Role of the Mul-kiye. *World Politics*. 1971. Vol. 23. No. 3. Pp. 371–398.
- Vakili-Zad C. Conflict among the ruling revolutionary elite in Iran. *Middle Eastern Studies*. 1994. Vol. 30. No. 3. Pp. 618–631.
- Wehrey F., Green J., Nichiporuk B., Nader A., Hansell L., Nafisi R., Bohandy S.R. *The rise of the Pasdaran: Assessing the domestic roles of Iran's Islamic Revolutionary Guards Corps*. Vol. 821. Los Angeles: The RAND Corporation, 2009.
- Zang X. *Elite dualism and leadership selection in China*. New York: Routledge, 2004.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАСЬКИН Илья Андреевич – аспирант, Аспирантская школа по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший преподаватель, Институт Классического Востока и Античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; младший научный сотрудник, Центр научной информации и международных связей, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Ilya A. VASKIN, Postgraduate Student, Postgraduate School of Political Science, HSE University; Senior Lecturer, Institute for the Classical Studies and Antiquity, HSE University; Junior Research Fellow, Centre of Information and International Relations, Institute for the African Studies, RAS, Moscow, Russia.